

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Вып. XXVI

СРЕДНЯЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ
(География, этнография, история)

Книга 3

Москва
Главная редакция восточной литературы
1989

А. Г. Сазыкин

ОПИСАНИЕ ТИБЕТА, СОСТАВЛЕННОЕ В XVIII в. БУРЯТСКИМ ПАЛОМНИКОМ ДАМБА-ДОРЖИ ЗАЯЕВЫМ

«Географические описания редко встречаются в монгольской литературе и совершенно чужды старым памятникам» — таково традиционное мнение, высказанное в разное время в той или иной форме рядом исследователей дореволюционной письменной литературы монгольских народов [2, с. 51; 4, с. VII; 3, с. 89]. Мы можем лишь присоединиться к подобной точке зрения наших предшественников на указанный жанр письменной словесности монголов.

Действительно, число географических сочинений (а это в основном описания монастырей и святынь на горе У-тай-шань) и записей, оставленных паломниками к святым местам Тибета, очень невелико*. Датировать начало распространения сочинений географического характера на монгольском языке следует, вероятнее всего, не ранее как второй половиной XVII в. Записи же путешественников стали появляться и того позже — только со второй половины XVIII в.

Причем из XVIII в. до нас дошло только одно описание Тибета, составленное бурятским паломником, тогда как все остальные известные нам записи бурятских и калмыцких ходоков к святыням Центральной Азии приходятся уже на вторую половину XIX — начало XX в. Самому раннему описанию путешествия в Тибет, оставленному бурятским хамбо-ламой Дамба-доржи Заяевым и посвящена наша статья.

Путешествие Заяева состоялось в 1734—1741 гг. Целью путешествия было не только посещение тибетских монастырей и поклонение святыням, как это мы видим у остальных паломников, но и обучение буддийским наукам в тамошних монастырских школах. Об этом можно судить, например, по краткой заметке, помещенной в летописи Ш. Хобитугева: «Тот Заяев, отправившись в страну Далай-ламы, проучился там семь лет и вернулся [на родину]» [9, F-77, л. 14а]. Сам Заяев уточняет в

* Обзор письменных источников, касающихся жанра монгольской географической литературы, подготовлен нами к печати для сборника «Страны и народы Востока».

своих воспоминаниях, что науки он постигал в дацане Даши-Гоман при монастыре Балдан-Брайбун [4, с. 29—30].

Из записей Заяева узнаем также, что отец его переселился к бурятам из Монголии в 1694 г. и что Доржи был старшим из трех его сыновей [9, D-215, л. 1а].

В заглавиях некоторых рукописей, содержащих описание интересующего нас путешествия, говорится о путешествии в Тибет хамбо-ламы, пандиты Заяева [4, с. 29; 9, G-34, G-172]. Однако в Тибет Заяев отправился еще простым ламой, и только там он «от драгоценного Панчен-богдо принял обет гэцула, а от Далай-ламы — обет гэлуну» [4, с. 29]. Звания же пандиты и хамбо-ламы были присвоены Заяеву уже по возвращении из Тибета, в 1764 г., когда он был назначен главой всего бурятского духовенства Забайкалья.

В 1767 г. Заяев был избран депутатом по религиозным делам для поездки в Москву и Петербург [6, с. 111]. Осенью того же года он отправился в путь и достиг цели уже в начале 1768 г. Заяев оставил нам краткое описание своего путешествия в Петербург [9, G-172, л. 7а—9б]. Правда, записи эти трудно даже назвать описанием, поскольку содержат они лишь названия городов и сел на пути следования, время выхода из одного пункта и прибытия в другой да расстояния между ними. Впрочем, характер записей весьма точно отражен в предисловии к ним, где сказано, что это «сказание, описывающее количество верст и суток на пути к столице» [9, G-172, л. 7а]. Из этого же предисловия узнаем, что год рождения Заяева приходится на «год железа-зайца», т. е. на 1711 г. по европейскому летосчислению. Следовательно, в Тибет он ходил еще совсем молодым человеком, едва достигнув 23 лет. А в Петербург Заяев отправился уже в почтенном, 57-летнем возрасте.

Нам неизвестно, удалось ли Заяеву уладить «религиозные дела», ради которых его посылали в Петербург, однако несомненно одно, что именно благодаря этому путешествию появились письменные воспоминания этого бурятского ламы о посещении Тибета. Дело в том, что заметки о путешествии в Тибет были составлены Заяевым «по требованию Императрицы Екатерины II» [5, с. 111].

Более точная дата записи воспоминаний Заяева указана в самом тексте. Так, говоря о подчинении Тибета власти китайского императора, автор пишет, что со времени тех событий «в этом, 1768 г. исполнилось не более 55 лет». И здесь нельзя не согласиться с Ц. А. Дугар-Нимаевым, полагающим, что именно этот год можно «принять за дату написания данного сочинения» [1, с. 151]. Заметим только, что принять эту дату следует не «условно», как пишет Ц. А. Дугар-Нимаев, а безусловно.

Тексту описания, представленного Заяевым Екатерине II, соответствует, вероятнее всего, вариант, изданный А. М. Позднсевым в «Монгольской хрестоматии» [4, с. 34—37]. Рукопись, которой пользовался Позднеев при подготовке своего издания, до

нас не дошла. Однако в Рукописном отделе ЛО ИВ АН СССР имеются два списка, содержащие аналогичный вариант описания путешествия Заяева [9, G-34, D-215].

Существует и другой вариант записей Заяева о Тибете. Составлен он в форме докладной записки на имя генерал-прокурора Сената. Соответственно этому и описание составлено в более сжатой, деловой форме, хотя практически содержит те же сведения, что и первый вариант. Две рукописи второго варианта хранятся в фондах ЛО ИВ АН СССР [9, G-72, G-172] и одна рукопись — в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина [7, с. 93, № 10].

В описании монгольской коллекции ГПБ в отношении интересующей нас рукописи сказано, что это «черновик автографа» [7, с. 93]. Действительно, исполнена рукопись весьма небрежно и на «чистовик» никак не похожа. Однако написана эта рукопись могла быть не ранее начала XIX столетия, так как на бумаге ее отчетливо просматривается филигрань «1803». И хотя второй вариант был составлен уже после первого, дарственно-го, варианта, но все же не так поздно.

Можно предположить, что докладная записка появилась в 1775 г., ибо в конце рукописи G-72 записано: «21-го числа первого зимнего месяца 1775 года старший лама-пандита [к сему] руку приложил (т. е. подписал. — А. С.) Писец Самдан Шибухаев». Следовательно, рукопись, хранящаяся в ГПБ, является не черновиком, а копией и отнюдь не автографа, поскольку, как мы видим, Заяев не сам составлял на бумаге означенный документ, а продиктовал текст писцу.

Все виденные нами в рукописях описания Тибета, составленные Заяевым, — лишь часть его записок, наиболее полным вариантом которых располагал А. М. Позднеев при подготовке издания своей «Монгольской хрестоматии». Опубликованная им версия включает три раздела:

1) краткое изложение результатов путешествия Заяева в Тибет и сведения к истории распространения буддизма в Бурятии в середине XVIII в.;

2) описание Тибета, совпадающее с текстом описания известных нам рукописей;

3) описание земель и святынь Индии, Непала, Тибета и Монголии, порой весьма фантастическое и скорее всего компилятивное.

На первый взгляд кажется несколько странным и нелогичным включение в записки, целиком почти посвященные описанию дальних тибетских и прочих земель, сведений о событиях из жизни бурятских буддистов в середине XVIII в. Однако соседство в первой части записок таких двух моментов, как изложение основных результатов путешествия Заяева в Тибет и перечисление перемен, происшедших в Бурятии начиная с 1741 г., т. е. со времени возвращения его из путешествия, оказывается вовсе не случайным.

Так, если судить по сообщению Заяева, важнейшим событием в Бурятии того времени было установление с 1741 г. обязательного девятидневного молебствия лам при встрече праздника «Цаган сар» (т. е. Нового года по лунному календарю). Введено это правило, как отмечает Заяев, было по примеру лам тибетских монастырей. Первоначально для этого строили войлочные храмы, но вскоре, в 1745 г., был построен и первый в Бурятии деревянный храм — Цонгольский дацан, настоятелем которого являлся не кто иной, как сам Заяев. К этому же времени (1741 г.) относится и издание указа об освобождении ламства от податей и всякого рода повинностей. Тогда же впервые был назначен и главный лама всего буддийского духовенства Забайкалья.

Мы не беремся судить, действительно ли все названные выше проламские нововведения в Бурятии были прямым и непосредственным следствием знакомства Заяева с положением и деятельностью буддийской церкви в Тибете, но желание самого автора представить связь событий того времени именно в таком свете несомненно. Надо думать, что сведения о быте тибетского ламства и роли буддийской церкви в жизни Тибета прежде доходили до пределов Бурятии. Ведь не следует забывать, что в конце XVII — начале XVIII в. в Забайкалье пришло значительное число монгольских (возможно, и тибетских) лам, скорее всего также знакомых с тибетской жизнью.

И тем не менее путешествие Заяева сыграло несомненную роль в описанных событиях, поскольку именно знакомство с состоянием тибетской буддийской церкви скорее всего побудило его активно включиться в весьма нелегкую и хлопотную деятельность по законодательному оформлению прав и преимуществ бурятского духовенства, организации четкой иерархической структуры буддийской церкви в Забайкалье, много способствовавших в конечном итоге укреплению положения и усилению влияния ламства среди бурят.

Интересно отметить, что в описании Тибета, представленном Екатерине II, уже в гораздо более позднее время, когда желаемые преобразования были осуществлены на практике, Заяев все же еще раз на примерах, взятых из жизни Тибета, подтверждает, что именно таковы должны быть условия и характер деятельности ламаистского духовенства вне зависимости от области распространения учения Будды.

В целом же описание, оставленное Заяевым, представляет несомненный интерес, так как содержит хотя и краткие, но весьма точные сведения о самых различных сторонах жизни Тибета первой половины XVIII в. Изложены воспоминания вполне последовательно, ясным и удобопонятным языком и могут служить образцом одного из наиболее удачных сочинений такого рода, когда либо зафиксированных на монгольском письме.

Ниже помещен перевод первого варианта описания путешествия Заяева в Тибет. Вариант этот выбран нами для перевода

по трем причинам: во-первых, это старейший, исходный вариант; во-вторых, он наиболее подробен и в какой-то мере литературно обработан автором; в-третьих, монгольский текст его воспроизведен в «Монгольской хрестоматии» А. М. Позднеева, и потому мы избавлены от необходимости издавать текст данного варианта.

Перевод снабжен примечаниями, разъясняющими некоторые встречающиеся в описании термины. Даны здесь также самые необходимые и краткие сведения о местах и монастырях, упоминаемых Заяевым. Подробный рассказ о местоположении, истории и устройстве тибетских монастырей и святынь, а также о быте тибетского духовенства помещен в прекрасной работе Г. Ц. Цыбикова «Буддист паломник у святынь Тибета» [8]. Более обширные сведения о Тибете, отражающие современное состояние знаний об этой области Центральной Азии, читатель сможет найти в книге Е. И. Кычанова и Л. С. Савицкого «Люди и боги страны снегов» (М., 1975).

Рассказ о том, как лама Цонгольского рода пандита-хамбо Заяев ходил в Тибет

Так как попросили представить описание нравов и обычаев народов ближних и дальних земель, [виденных] во время следования в Тибет, то [все это] и записал депутат Цонгольского рода Селенгинского ведомства, лама всех бурят — пандита-хамбо.

Выйдя из пограничной Кяхты, через месяц прибыл в Пекин — город китайского императора. Следуя из Пекина по Центральному Китаю в западном направлении, через три месяца достиг местности Амдо¹.

Амдосцы хотя и не платят податей китайскому императору, но находятся в его подчинении. Народ сей, имея мало скота, усерден в хлебопашестве. Состоит он из многих родов. Многие люди этих родов почитают Будду. Каждый нойон их управляет людьми своего рода. У этого народа много лам и буддийских монастырей. В больших монастырях находится по 1, 2 и 3 тысячи лам. В малых монастырях — по 300, 400, 500 и 600 лам. В самых маленьких монастырях обычно живут по 150, 100 или 50 лам. Храмы построены из кирпича. Жилье дома — земляные.

Следуя в течение трех месяцев по безлюдной местности на запад от Амдо, достиг границ Тибета. Идя от границ [в глубь страны], за десять суток добрался до области Дзу² — местопребывания далай-ламы.

Эта область называется Дзу потому, что теперь здесь находится статуя преподавшего учение и распространившего веру Будды по имени Дзу-Шакьямуни. Фигура его [сделана] из красной меди и сверху позолочена. Сидящее изображение его величиной в рост высокого человека. Кроме этой [статуи] есть много и других изображений будд, величиной с человека и более.

Эта Дзу находится в трехэтажном храме. Крыша его, с четырьмя башнями по краям, [сделана] из позолоченной красной меди³. Всего же там, говорят, имеется свыше трехсот больших и малых храмов Будды.

В полуверсте [к западу] от храма Дзу на небольшой горе находится большое цельное здание — резиденция далай-ламы. Рассказывают, что в нем 999 комнат. Говорят, что [это] здание построено из камня горы Будалан [тиб. Потала]. Вообще [здесь] нет зданий из кирпича. И храмы Будды, и жилые дома строят обычно из скальных пород. Тут вовсе нет зданий, построенных из дерева, кирпича или земли.

Всего в [Центральном] Тибете есть две области, называемые Уй-па [тиб. Уй-ба] и Дзан-па [тиб. Цзан-ба]. Говорят, что Уй-па — это [область] дзуского далай-ламы, а Дзан-па — дзуского ламы святого панчена.

Старейшим и крупнейшим из всех тибетских монастырей является монастырь под названием Балдан-Брайбун⁴. Говорят, что в нем семь дацанов⁵ и 7 тысяч лам. Обычно, помолвившись сообща в главном храме, молятся затем в малых, так называемых отдельных храмах.

Следующий за ним [по величине] буддийский монастырь называется Сэра⁶. В нем, как рассказывают, 5 тысяч лам и четыре дацана.

Затем следует монастырь Галдан⁷, в котором, говорят, три дацана и 3500 лам. Обычно каждый день ламы этих трех монастырей собираются в храмах Будды и молятся.

Но раньше этих трех монастырей, сказывают, был построен буддийский монастырь Санпу⁸, где имеется десять дацанов и 2500 лам.

В области Уй-па эти четыре монастыря являются крупнейшими. Во время [праздника] Цаган сар ламы этих четырех монастырей вместе с ламами других малых монастырей молятся в течение 21 дня в храме Дзу-Шакьямуни. В остальное же время [они] каждый день собираются в своих отдельных буддийских храмах и совершают молебны.

Рассказывают, что в один из годов [на праздник Цаган сар] собралось до 18 тысяч лам. В другие годы, как говорят, собирается по 14, 15 и 16 тысяч лам.

Во время [их] ежегодного совместного моления из казны далай-ламы им обычно раздают еду и питье. Обычно до 20 дня [праздника] им каждый день раздают серебро. В середине же 21-го дня каждому вручают по 100 серебряных монет. В остальные дни дают по 50, 40, 30, 20, 15, 10, 5 и 2 с половиной серебряной монеты. Меньше 2 с половиной монет, как правило, не дарят. Раздают обычно и по одному пуду муки⁹.

В больших буддийских монастырях имеются дацаны. Дацаны включают в себя камцаны¹⁰ и мицаны¹¹. В распоряжение каждой из этих четырех [общин] из [числа] подданных тибетского царя выделяются землепашцы. Ламам и ученикам [мона-

стырских] училищ монастырями, дацанами, камцанами и мицанами ежемесячно выдается провиант. [Сами же] ламы и ученики постоянно заняты изучением святого писания.

Говорят, что в прежние времена далай-лама был правителем Тибета. Теперь, сказывают, став ламой, он является перевоплощением бодхисаттвы. А поскольку он был бодхисаттвой, то и перерождается [теперь] постоянно.

Язык населения Уй-па и Дзан-па имеет мало различий. В основном [он] одинаков.

К западу от Дзу [расположена] область Дзан-па. В 10 сутках [пути от Лхасы] находится монастырь Даши-лхун-бо¹², [местопребывание] святого панчена. Говорят, что [в нем] 3 тысячи лам и три дацана.

Во всем Тибете главнейшим ламой является святой панчен-лама. Считается, что он главнее далай-ламы¹³.

Тибетский царь подвластен китайскому императору и возводится [им] на престол. [С того времени], как он подпал под власть китайского императора, в этом, 1768 г. прошло не более 55 лет¹⁴. Причина того, что [он] оказался под властью китайского императора, такова. Джунгарский олетский Цэрин-Дондуб, придя со своим войском в Тибет, убил тибетского царя и сам стал правителем той страны. [Но], узнав, что китайский император послал [против него] армию, Цэрин-Дондуб, сказывают, бежал [из Тибета] и возвратился [на родину].

После этого китайские войска, придя [в Тибет], заявили народу, оставшемуся без правителя: «Ваши враги бежали от нас. [Поэтому] вы должны присоединиться к нам, стать нашим народом». Одного из тех [тибетских] нойонов возвели на престол, велел: «Ты, став главой [государства], управляй. Мы известим [об этом] императора»¹⁵. [И затем] они возвратились обратно.

Между тем тому нойону от китайского императора доставили указ и печать, утверждавшие его на престоле. По рассказам, с того времени [тибетцы] и подпали под власть китайского императора.

[Но] они только подчиняются китайскому императору, подаей же не платят. До настоящего времени тибетский народ, следуя своим обычаям, распространяет святое учение. Продолжается набор [в монастыри] лам и учеников.

Говорят, что святой панчен и далай-лама хотя и не видят [всего] воочию, но обо всем знают. Обычно каждый человек докладывает [им] письменно о своих делах. И в ответных посланиях [те] пишут, например, что такие-то дела вызваны какими-то обстоятельствами, [поэтому] нужно читать эти священные книги и поклоняться этому святому или же читать те священные книги и поклоняться тому святому.

Кроме святого панчена и далай-ламы есть [там] и другие, менее значительные, [но] сведущие ламы. Говорят, что каждый из них покровительствует своему монастырю. [В каждом мона-

стыре] имеется по одному ламе, который общается с Буддой. В случае необходимости у них [тоже] письменно просят [совета] и те письменно же отвечают.

Вообще же, в Тибете и поныне духовенство постоянно и усердно совершенствуется в изучении святого писания. Собираясь ежедневно по утрам и в полдень в своих буддийских храмах, они обычно молятся и читают священные книги.

¹ Амдо — северо-восточный район Тибета.

² Область Дзу (тиб. Чжу) — так монголы именовали весь Центральный Тибет.

³ Подробное описание самой статуи и храма, в котором она помещалась, см. [8, с. 102—118].

⁴ Монастырь Балдан-Брайбун расположен в семи километрах западнее Лхасы. Основан Даши-балданом, учеником и последователем Цзонхавы, в 1414 г. [5, с. 224] или 1416 г. [8, с. 322].

⁵ Дацаны — своего рода факультеты, размещавшиеся в пределах буддийских монастырей, где изучались те или иные разделы богословских наук, а также медицина.

⁶ Монастырь Сэра расположен в 4 км севернее Лхасы. Основан одним из учеников Цзонхавы, Шақчжа-еше, в 1417 г. [5, с. 226] или 1419 г. [8, с. 345].

⁷ Монастырь Галдан расположен в 30 км к востоку от Лхасы. Основан в 1409 г. Цзонхавой.

⁸ Монастырь Санпу. До появления Цзонхавы в окрестностях Лхасы было три крупных монастыря — Санпу, Чжормолун и Гадан. Но, когда Цзонхава и его последователи основали уже упомянутые Брайбун, Сэра и Галдан, те затмили своих предшественников и наиболее всего стали известны монгольским паломникам в Тибет.

⁹ В «Монгольской хрестоматии» А. М. Позднеева [4, с. 36] ошибочно представлено «öggüdeg cü ügei». Во всех остальных известных нам рукописях описания путешествия Заяева это «ügei» отсутствует.

¹⁰ Камцаны — земляческие общины в составе дацанов.

¹¹ Мицаны — более мелкие подразделения камцанов.

¹² Монастырь Даши-лхун-бо расположен в окрестностях города Шиганце (пров. Цзан). Основан первым далай-ламой Гэдун-дубом в 1445 г. [5, с. 236] или 1447 г. [8, с. 364].

¹³ Здесь автор приводит точку зрения буддийской догматики, согласно которой далай-ламы почитались перевоплощениями бодхисаттвы Авалокитешвары, тогда как панчен-ламы являлись якобы воплощениями будды Амитабы, занимавшего в системе буддийского пантеона положение более высокое, нежели бодхисаттвы.

¹⁴ Это сообщение Заяева неточно. Войска цинского императора вошли в Лхасу в 1720 г., а всем Тибетом овладели в 1721 г.

¹⁵ Первоначально управление Тибетом было поручено совету из четырех светских лиц (трое для управления областью Уй и один — областью Цзан). Однако в результате раздоров, возникших меж ними, вся полнота власти в Центральном Тибете оказалась в 1728 г. в руках одного из них — Полоная, по имени Соднам-доб-чжа. Титул князя Полоная был дарован лишь в 1730 г.

Литература

1. *Дугар-Нимаев Ц. А.* О жанре хождений в бурятской литературе XIX века. — Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 1. (Серия литературы, фольклора и истории.) Элиста, 1974.
2. *Лауфер Б. Очерк монгольской литературы.* Л., 1927.
3. *Михайлов Г. И.* Литературное наследство монголов. М., 1969.
4. *Позднеев А. [М.]* Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания. СПб., 1900.

5. *Позднеев А. [М.]*. Сказание о хождении в тибетскую страну Малодөрбөтского Бāза-бакши. СПб., 1897.
6. *Пучковский Л. С.* Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. Т. 1. История, право. М.—Л., 1957.
7. *Санкритьяна Е. Н.* Краткий систематический каталог монгольских рукописей и ксилографов Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.— Восточный сборник. Вып. 3. М., 1972.
8. *Цыбиков Г. Ц.* Буддист паломник у святынь Тибета. Пг., 1919.
9. Монгольский фонд Рукописного отдела ЛО ИВ АН СССР.